

and atrocities of the Third Reich, German anthropology badly needed to improve its reputation. Being a former prisoner of war, Bach already in the early 1950s began to struggle for a new image of anthropology in the GDR and worldwide.

The book is not, however, a plain scientific biography of Bach. The introduction addresses the situation with anthropology in the former GDR. The first chapter deals with the growth of biological anthropology worldwide and in Jena specifically. Much space is devoted to Bach's teacher Bernhard Struck. The second chapter is devoted to Bach's scientific biography, his way into science and his achievements in evolutionary theory and anthropology. Pittelkow portrays Bach's anthropological worldview and expounds, that there was nothing in Bach's anthropological views that would substantially differ him from his Western colleagues. The third chapter discusses Bach's administrative policies and constitutes the specificity of the Institute as politically neutral and efficient Institute. Pittelkow outlines Bach's contribution into the institutionalization of science and evaluates him as a university instructor. He narrates that Bach saw his mission in explaining the facts of anthropology and human genetics to both students of anthropology and professionals from biology, medicine, and psychology. Finally, the character of Bach's scientific publications (167 books and papers) is discussed as well. The fourth chapter analyses his contributions to osteology, human genetics, anthropology including the history of anthropology, and nature/nurture problem.

To sum up, Pittelkow argues that Bach based his methodology on the Darwinian principles and population genetics. In that sense, Bach's methodology was fully compatible with the most up-to-date Western anthropological schools. Yet the book has also shortcomings. The concluding part does not go deep enough into the analysis of certain methodological movements (such as controversies around typology) which influenced the growth of anthropology in the first half of the XX century and in the post-war time. But overall, Pittelkow's book is an insightful discussion. The author's placing of Bach into the struggle for anthropology in the GDR is an important contribution to the history of anthropology.

Рецензия на: Питтельков, Йорг «Герберт Бах (1926–1996) и его вклад в антропологию и генетику человека в Университете Йены»

КАРЛ ПОРГЕС¹, ГЕОРГИЙ С. ЛЕВИТ²

¹Исследовательская группа по образованию в области биологии, Йенский университет имени Фридриха Шиллера, Йена, Германия; karl.porges@uni-jena.de

² Институт биологии, Кассельский университет, Германия; georgelevit@gmx.net

Кратко представлено содержание книги Йорга Питтелькова, посвящённой реконструкции и анализу вклада Герберта Баха (1926–1996) в развитие антропологии и генетики человека в ГДР. Автор утверждает, что Бах основывал свою методологию на дарвиновских принципах и популяционной генетике, и в этом смысле она полностью совместима с самыми современными западными антропологическими школами. В целом рассматриваемая книга является важным вкладом в историю антропологии.

DOI: 10.24411/2076-8176-2018-11981

Университет им. А.Л. Шанявского: многообразие образовательных практик и стимуляция развития науки

В.И. ОНОПРИЕНКО

Институт исследований научно-технического потенциала и истории науки им. Г.М. Доброва
НАН Украины, Киев, Украина; valonopr@gmail.com

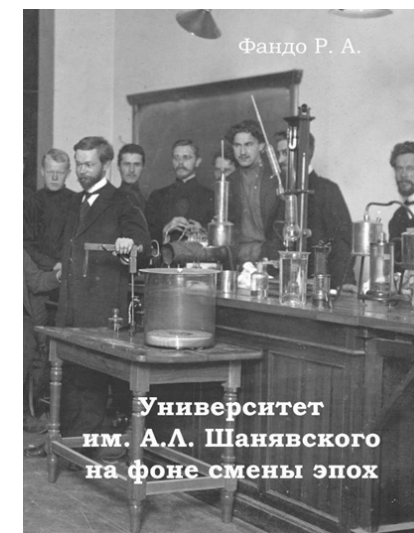
Книга Р.А. Фандо¹ не просто пополнила историографию знакового университета начала XX века, но и подняла на новой документальной базе актуальные проблемы развития науки и образования в России. Книга прекрасно издана и со вкусом оформлена: почти на каждом развороте уникальные иллюстрации, в большинстве своём из архивных фондов. В ней много статистических и социологических материалов, широко использованы воспоминания и личные фонды членов попечительского совета, профессоров и сотрудников университета, что создаёт объёмную картину деятельности университета. Немаловажную роль сыграл избранный автором социокультурный аспект анализа. Ёмкая глава посвящена рассмотрению университета как научного центра нового типа. Монография дополнена весьма информативными приложениями, из которых можно получить сведения о социальном составе, мотивах поступления в университет слушателей.

В журнале «Историко-биологические исследования» недавно опубликована статья автора о зарождении в университете отечественной экспериментальной биологии под руководством Н.К. Кольцова².

Хронологические рамки исследования охватывают период 1905–1920 гг., с момента, когда А.Л. Шанявский отправил ходатайство об открытии народного университета в Министерство народного просвещения, и до ликвидации университета после прихода советской власти.

¹ Фандо Р.А. Университет им. А.Л. Шанявского на фоне смены эпох / Р.А. Фандо, под общей ред. Е.Б. Музруковой. М.: Акварель, 2018. 324 с.

² Фандо Р.А. Московский городской народный университет имени А.Л. Шанявского: у истоков экспериментальной биологии // Историко-биологические исследования. 2017. Т. 9. № 4. С. 57–78.

Первое и главное впечатление о монографии связано с объёмом источниковой базы исследования. При изучении истории формирования нового университета были проанализированы различные источники: научные публикации, материалы из отечественных архивов, частные коллекции документов. Основными первоисточниками исследования служили документы из таких архивных фондов: Московского городского университета имени А.Л. Шанявского (Ф. 635), Московских высших женских курсов (Ф. 363) Отдела хранения документов до 1917 г. Центрального государственного архива города Москвы, Отдела хранения электронных и аудиовизуальных документов Центрального государственного архива города Москвы, Всесоюзного коммунистического сельскохозяйственного университета им. Я.М. Свердлова при ЦИК СССР (Ф. Р5221), Отделения по охране общественной безопасности и порядка (Охранное отделение) при Московском градоначальнике (Ф. 63) Государственного архива РФ, А.Л. Шанявского (Ф. 554), Б.И. Сыромятникова (Ф. 366), Л.Б. Хавкиной (Ф. 321) Отдела рукописей Российской государственной библиотеки, А.С. Серебровского (Ф. 1595), Н.К. Кольцова (Ф. 450), М.М. Завадовского (Ф. 1657), Н.В. Тимофеева-Ресовского (Ф. 1750), М.В. Павловой (Ф. 311), Н.М. Кулагина (Ф. 445), В.К. Аркадьева (Ф. 641), П.П. Лазарева (Ф. 459) Архива РАН, В.А. Варсанюфьевой (3) Фонда личных коллекций Российского государственного архива экономики.

Автор поставил перед собой задачу детально проанализировать документы, определяющие легитимность народного университета, — устав, резолюции, распоряжения, стенографические отчеты Третьей Государственной думы, где происходило рассмотрение Положения об университете, выписки из протоколов заседаний Московской городской думы, переписку Правления университета с различными государственными инстанциями. В результате был восстановлен механизм бюрократии, задержавший утверждение положения об университете и поставивший на грань срыва открытие университета. Вообще в книге материал трудного прохождения в государственных инстанциях официального утверждения документов об открытии нового университета подан подробно именно в социокультурном плане с привлечением не только документов, но и публицистики, и очень ценен.

Огромную работу автор провёл по анализу организационной, учебной, научной, издательской деятельности путём изучения отчётов о деятельности университета за 1908–1918 гг., анкетных данных о составе слушателей, учебных планов и программ, исторических очерков и данных о работе университетских обществ, научных публикаций, издания учебной и научно-популярной литературы.

Специальные усилия были затрачены на объективизацию повседневной жизни слушателей университета на основе использования мемуарной литературы, источников личного происхождения, дневниковых записей, что позволило сформировать целостное представление об учащихся и преподавателях.

Принципиальными для замысла А.Л. Шанявского были такие положения предполагаемого устава:

- слушателями Университета могли быть все желающие вне зависимости от пола, социального или материального положения, национальности и вероисповедания, политической благонадёжности, статуса, предварительного образования и т. д.;
- для поступления в университет не требовалось предъявлять аттестат и какие-либо ещё документы;

- вместе с тем студенты не получали дипломов и не могли пользоваться правами учащихся правительственных вузов; это было место для получения знаний, а не для реализации сословных привилегий;
- студент сам решал, какие именно лекции он хотел бы прослушать, а преподаватели должны были ориентироваться на аудиторию.

Предполагаемой автономии университета препятствовала Государственная дума, а Министерство народного просвещения в свою очередь требовало от него полной подотчётности. В результате проект оказался на грани провала. После долгих прений, с ограничениями прав и свобод университета (основные из них — утверждение ректора министром народного просвещения, а программ — попечителем учебного округа, невозможность для выпускников университета занимать государственные должности), Устав был санкционирован Государственной думой и Государственным советом. Немалую роль сыграли яркие речи в пользу университета в Государственной думе выдающегося юриста А.Ф. Кони, в Государственном совете профессора М.М. Ковалевского. Таким образом, Университет Шанявского получил статус высшего учебного заведения Российской империи. Его юрисдикция распространялась на всю Россию, хотя в ходе обсуждения высказывались настойчивые требования ограничить юрисдикцию университета Москвой.

В книге даётся нетривиальный анализ негосударственного высшего образования в России, возникновения первых общественных и частных учебных заведений, пресловутого «женского вопроса» в отечественном высшем образовании, фактора меценатства в развитии интеллектуального потенциала России.

Значительное внимание уделено управлению университетом, структура которого строилась на демократических принципах. Все органы управления — попечительский совет, академический совет, факультетские собрания, правление, соединённый комитет, собрание старост, ревизионная комиссия — наделялись конкретными полномочиями и функциями, как бы дополняли и корректировали друг друга.

Самим А.Л. Шанявским не предполагалось широкое развитие в университете научных исследований. Главную задачу университета он видел в передаче знаний без искусственных барьеров и препятствий. Наука начала развиваться как бы спонтанно: в связи с образовательными инновациями, с приходом в университет уже состоявшихся учёных, которые не могли существовать только преподаванием. Большую роль сыграла относительная свобода учреждения новых лабораторий. Российская наука в ряде областей находилась на подъёме, но была скована невозможностью открыть новые лаборатории и кабинеты в университетах, в Академии наук, накопившимися сословными и национальными предрассудками, многоступенчатой бюрократией, пробиться сквозь толщу которой удавалось немногим. В Университете им. Шанявского поддержка образовательных инноваций — новых учебных курсов, семинаров и коллоквиумов, публичных лекций, которые привлекали всю Москву, неизбежно стимулировала развитие научных исследований, в том числе в новых научных областях. Это поддерживалось попечительским и академическим советами, предметными комиссиями, как и организация новых лабораторий, нахождение спонсоров для них и т. д.

В книге раскрывается, как деятельность научных школ повлияла на развитие естественных дисциплин. Школы П.Н. Лебедева и Н.К. Кольцова сформировались в лабораториях Московского университета, но в Университете им. Шанявского были оснащены новые их лаборатории. П.Н. Лебедев получил крупный грант Леденцовского фонда (Общество содействия успехам опытных наук и их практических применений

имени Х.С. Леденцова), Н.К. Кольцов получал ежегодные небольшие субсидии на оборудование от Л.А. Шанявской, часть денег поступала от преподавателей и студентов и немалая часть зарабатывалась кинолекциями. П.Н. Лебедев проработал недолго, но дух Университета им. Шанявского был благотворен для него. В дальнейшем многочисленная физическая лаборатория возглавлялась П.П. Лазаревым, который проявил себя и как профессор-новатор, привлекая аудиторию своими лекциями-демонстрациями. Он объединил собственную школу в области биофизики, создал институт и биофизическую лабораторию, а также многое сделал как геофизик в изучении Курской магнитной аномалии.

Н.К. Кольцов, П.Н. Лебедев, П.П. Лазарев
N.K. Kol'tsov, P.N. Lebedev, P.P. Lazarev

В Университет им. Шанявского перешла и организовала кабинет палеонтологии М.В. Павлова, и вокруг неё сформировалась небольшая, но продуктивная школа палеонтологов, проводились экспедиционные исследования, постоянно расширялись коллекции.

«Жемчужиной» университета автор книги называет кристаллографическую лабораторию Г.В. Вульфа, созданную на его средства. Сам он был звездой первой величины и истинным патриотом Университета им. Шанявского: он оставался активным членом правления университета до самого конца.

Г.В. Вульф окончил Варшавский университет и работал в нём до приглашения В.И. Вернадского в Московский университет, дважды стажировался в Европе: в лаборатории лидера немецкой кристаллографической школы П. Грота в Мюнхене и в лаборатории физика А. Корню в Политехнической школе Парижа, где изучал физические методы исследования кристаллов. Он усовершенствовал оптический метод Корню для измерения упругих деформаций твёрдых тел на основании измерения ньютоновских колец. Развил термодинамический принцип о скорости роста кристаллических граней, который получил название принципа Гиббса—Кюри—Вульфа. Разработал графические методы расчета кристаллов с помощью стереографической сетки («сетка Вульфа») и линейки («линейка Вульфа-Федорова»). Сделал известными европейским учёным фундаментальные работы Е.С. Фёдорова «Начала учения о фигурах» (1885), «Этюды по аналитической кристаллографии» (1886), «Симметрия конечных фигур» (1889).

После открытия М. Лауэ явления дифракции рентгеновских лучей в кристаллах (1912) Г.В. Вульф начал исследования по изучению спектров рентгеновских лучей,

которые привели его к выводу основной формулы рентгеноструктурного анализа. В несколько ином виде эта формула была выведена также У.Г. Брэггом, поэтому получила название формулы Брэгга—Вульфа.

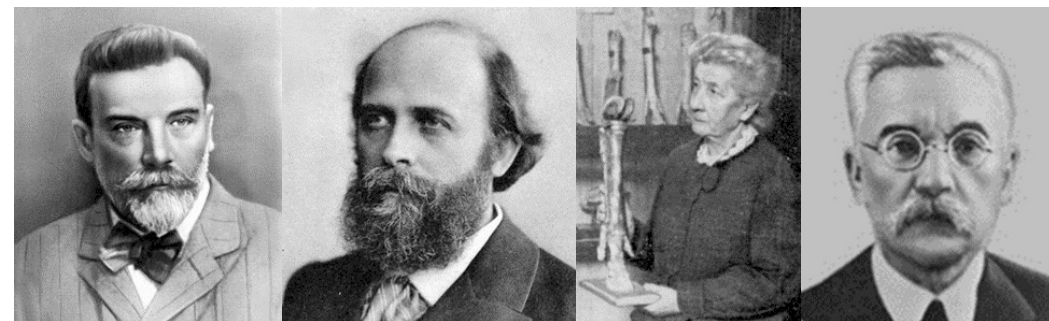
Г.В. Вульф способствовал институционализации кристаллографии и выявлению её технологических возможностей. Во время Первой мировой войны он занимался разработкой экранов, флюоресцирующих под действием рентгеновских лучей, которые были необходимы для медицинских учреждений.

Это был очень разносторонний исследователь, всегда работавший на переднем крае мировой науки. В Университете им. Шанявского он раскрылся как способный популяризатор науки, его публикации в этом направлении пользовались большим спросом. Его лаборатория прославилась занятиями фотографией и кинематографией для научных целей, а также увековечила деятельность университета, много фотографий лаборатории приводится в книге Р.А. Фандо.

Николай Дмитриевич Зелинский (1861—1953) — химик-органик, один из основоположников органического катализа и нефтехимии. В годы Первой мировой войны известен как создатель активированного угля, изобретатель первого эффективного противогАЗа (1915). В лаборатории Университета им. Шанявского и в Центральной лаборатории министерства финансов сотрудниками Зелинского проводились рискованные и героические испытания противогАЗов. В феврале 1916 г. после полевых испытаний по распоряжению Николая II на фронт поступило 121 730 противогАЗов Зелинского.

Н.Д. Зелинский был вполне востребован и оценён в советское время: Герой Социалистического Труда (1945), лауреат трёх Сталинских премий (1942, 1946, 1948).

Главным направлением научной деятельности профессора Алексея Евгеньевича Чичибабина являлась химия пиридина и его производных. Он предполагал, что с их помощью можно создать новые лекарства и ряд красителей. С наступлением Первой мировой войны активно занимался созданием технологий для производства лекарств, внёс большой вклад в организацию российской фармацевтической промышленности. Разработал совместно с учениками технологии производства салициловой кислоты и её солей, аспирина, салол и фенацетина. Начал производство морфина и кодеина. По инициативе Чичибабина при Московском техническом училище организован образцовый завод химико-фармацевтических препаратов за счёт денег из казны. Впоследствии на его базе вырос первый алкалоидный завод в России.

Г.В. Вульф, Н.Д. Зелинский, М.В. Павлова, А.Е. Чичибабин
G.V. Wulff, N.D. Zelinskii, M.V. Pavlova, A.E. Chichibabin

Чичибабин образцово вёл курсы качественного и количественного анализа, сформировал инновационный курс «Экспериментальные успехи органической химии». Он являлся автором напечатанного в 1925 г. курса «Основные начала органической химии», который был переведён на чешский, словацкий, венгерский, французский, испанский, английский и китайский языки.

А.Е. Чичибабин являлся председателем Московского комитета содействия развитию химической фармацевтической промышленности, учреждённого по его инициативе. Комитет дал начало открытию алкалоидной лаборатории при МВТУ и в Университете А. Л. Шанявского. В 1918 г. Чичибабин организовал химический отдел Московского военно-промышленного комитета, который содействовал созданию многочисленных производств, в том числе было положено начало сернокислотному заводу в Растяпино.

Чичибабин также являлся председателем Правления государственных химико-фармацевтических заводов ВСНХ, председателем Комиссии по разгрузке Москвы от взрывчатых веществ. Был главным редактором «Фармакопеи». В 1922–1927 гг. являлся председателем Научно-технического совета химико-фармацевтической промышленности.

Главным местом работы А.Е. Чичибабина было Московское высшее техническое училище, где он был деканом химического факультета. Но и в Университете им. Шанявского его деятельность профессора и учёного оставила яркий след. Поэтому есть смысл привести его оценку состояния науки в университете:

Отделение естественных наук, особенно с того времени, когда оно обзавелось собственными лабораториями и кабинетами, быстро развивается, превращаясь из учреждения, занимавшегося преимущественно популяризацией науки, в настоящее время учебное заведение «академического» типа, в университет в наиболее высоком значении этого слова, т. е. в учебное заведение, где науки излагаются таким образом, что лица, основательно прошедшие в нем курс, получают возможность применять важнейшие научные выводы для самостоятельного разрешения вопросов практического и теоретического характера. Университет должен дать работникам в практической жизни, обладающих широким кругозором, но он непременно должен также выделить контингент работников на поприще чистой науки. Конечно, число таких лиц по отношению к общему числу слушателей может быть лишь небольшим, но выделение кадров деятелей науки является наилучшим мерилем успешности преподавания в высшей школе (цит. по книге Р.А. Фандо, с. 153).

Важна и авторская ремарка к этому высказыванию:

Участие студентов Народного университета в научно-исследовательской работе выстраивало систему преподавания в несколько ином русле: после теоретического изучения вопроса по материалам отечественной и зарубежной литературы слушатель предлагал тему исследования, рабочую гипотезу, методы экспериментальной работы. Роль преподавателя заключалась в научном консультировании проводимых слушателями исследований, а не в контроле усвоения университетских программ. Таким образом, идея приобщения людей разных социальных групп к науке в рамках их обучения на естественно-историческом факультете Народного университета реализовалась в полной мере. Данное заявление подтверждается множеством примеров, когда слушатели бросали свою профессию ради науки и выходили из лабораторий вольного университета настоящими учеными (там же).

Не надо думать, что научная работа велась только на естественно-историческом факультете народного университета. Это было не так. Получили развитие и гуманитарно-социальные исследования, тем более что университет был очень чуток к жизни общества. В книге очерчен круг исследований юридических наук в области гражданского права, уголовного права, крестьянского права. Политические, экономические, социальные сдвиги в обществе, мощное развитие кооперативного движения стимулировали их научное осмысление и обеспечение. Война, конечно, притормозила эти исследования, но не исключила их.

Обучение в университете велось на двух отделениях: академическом, которое давало высшее образование, с трёхгодичным сроком обучения и научно-популярном, дававшем среднее образование в объёме гимназии, уделявшем особое внимание распространению научных знаний, с четырёхгодичным сроком обучения и являвшемся как бы подготовительным для обучения на академическом отделении (начало действовать с 1910 г.). Академическое отделение состояло из трёх циклов: естественно-исторического, общественно-юридического и историко-философского. Все занятия проводились в вечернее время с 17 до 22 часов, чтобы дать возможность учиться тем, кто днём работал. В соответствии с замыслом Шанявского от поступающих не требовали свидетельств о благонадёжности, сословной принадлежности, цензовом образовании и т. д. Без каких-либо ограничений принимались и женщины. Плата за обучение была невысокой (например, в 1915 г. — 40 руб. в год на академическом отделении и 6 руб. — на научно-популярном).

Слушателям предоставлялась возможность получить фундаментальные знания по максимальному кругу дисциплин, которые определяли лицо тогдашней науки. Поэтому учебные планы были чрезвычайно насыщены. Так, историко-философский цикл на втором году обучения предлагал слушателям 28 лекционных курсов и 12 семинаров. Особенно углубленно изучали отечественную, античную и новую европейскую историю, а также историю литературы, философской и политической мысли. Кроме традиционных курсов велись и такие, которые не имели аналогов в казённых университетах: «Теория исторического процесса и методология истории», «Теория и методика государственного управления», «История государственных учреждений XIX века», «Социология — часть историческая», «История этических учений» и т. п. Проводились практические занятия по истории Великой французской революции, истории идейной борьбы в русской литературе XIX в., философии позитивизма.

На естественно-научном цикле, кроме традиционных университетских курсов математики, физики, астрономии, механики, химии (органической, неорганической, аналитической), геологии, минералогии, кристаллографии, палеонтологии, ботаники, морфологии и систематики растений, зоологии, физиологии животных, подаваемых чаще всего нетрадиционно, готовились новые, ранее нигде не читавшиеся курсы: А.Е. Ферсман впервые прочитал курс геохимии, П.П. Лазарев — курс «Современная теория растворов и её применение к биологии и медицине», А.Е. Чичибабин — курс «Экспериментальные успехи органической химии» и др.

В организации учебного процесса особое внимание уделялось максимальной активизации творческих возможностей самих слушателей. Слушатели академического отделения первые в России имели возможность самостоятельно составлять индивидуальные планы учёбы, исходя из собственных научных интересов. Ежегодно среди слушателей проводилось анкетирование по широкому кругу вопросов, анализ которого

приводил к корректировке перечня и содержания лекционных курсов, введению новых предметов.

Фундаментальность обучения во многом определялась высоким профессиональным и интеллектуальным уровнем привлекаемых профессоров и других специалистов своего дела.

Работа научно-популярного отделения строилась с учётом различной подготовки обучающихся. Были разработаны новые методы обучения взрослых, в основу которых было положено сочетание лекций и собеседований. Предметы здесь подразделялись на три группы. Первая — подготовительная — с одногодичным курсом. Она давала первоначальные сведения из различных отраслей знания. Вторая группа — двухгодичная, где слушателей учили математике, физике, химии, зоологии, ботанике, биологии, географии, истории, литературе. Третья группа была дополнительной. В течение года слушатели изучали предметы специализированного характера: физиологию, политэкономия, основы права и т. д.

В Университете им. Шанявского организовывались различные курсы (от двухнедельных до годичных) для подготовки практических работников по местному самоуправлению, кооперации, библиотечному делу, дошкольному воспитанию и др. Выпускников курсов приглашали на работу общественные и даже государственные учреждения. Эта форма обучения была прямо связана с реальными запросами, и степень инновационности преподавания здесь была наивысшей, оно постоянно варьировалось, корректировалось и наращивалось.

Высокий уровень преподавания, свобода поступления, небольшая плата за обучение, демократизм внутренних порядков обеспечили Народному университету всероссийскую популярность. Несмотря на то, что выпускники не получали дипломов, количество желающих учиться здесь непрерывно росло. Год от года росло количество женщин, обучавшихся в университете. Как отмечает автор:

Новые механизмы, регулирующие обеспечение учебного процесса, наглядно продемонстрировали возможность плюралистического управления научно-образовательным центром, которым стало «детище Шанявского». Университет на протяжении всего периода своего существования отличался свободомыслием, возможностью студентов и преподавателей участвовать в жизни своей *alma mater*, выборностью руководящих должностей, что связано с организацией университетского управления (с. 106).

Удивительным образом принципы деятельности Университета им. Шанявского коррелируют с мыслями о высшей школе В.И. Вернадского, высказанными в период роста и укрепления Университета. Вернадский в нём работал немного, поскольку перешёл работать в Академию наук, но, похоже, опыт его деятельности анализировал. Вот некоторые из его высказываний.

Высшая школа — это организация одновременно и учебная, и научная, и просветительская. Научная работа составляет ее неотъемлемую функцию. Однако связь науки с высшей школой идет еще глубже, научное творчество — это не просто одна из функций высшей школы, которую можно рассматривать просто как стоящую рядом с другими, а то начало, которое проникает высшую школу целиком, от начала до конца³.

³ Вернадский В.И. Академическая жизнь // Речь. 1 января 1908 г.

Усвоение передаваемых научных знаний также не может быть достаточно эффективно, если оно не сопровождается попытками самостоятельно разобраться в тех или иных научных проблемах. Простое механическое восприятие учащимися высшей школы передаваемых им научных знаний, естественно, никак не может быть прочным, более того — как правило, такая возможность попросту исключается в силу научного характера самих преподаваемых знаний, что требует самостоятельности студента, самостоятельного, оригинального подхода к решению многих из стоящих перед ним задач. Иными словами, высшая школа неизбежно развивает у обучающейся массы глубокие навыки научного мышления и потому учащийся высшего учебного заведения не может не быть по сути дела формирующимся научным работником, делающим первые шаги на научном поприще⁴.

Характеризуя тенденции развития высшего образования, Вернадский отмечал изменения в нём по таким основным направлениям⁵.

Во-первых, всё более тесной становится связь школы с жизнью; высшее образование проникает в гущу жизни, охватывает собой многообразные формы практики людей (производственной, государственной, общественной и др.), всё теснее сливается с широкими народными массами, ломая те искусственные препятствия, которые возникают перед ней на этом пути.

Во-вторых, путём незаметных переходов высшая школа соединяется с научной исследовательской работой общества, выдвигается на одно из первых мест как одна из важных форм организации научного творчества.

В-третьих, коренным образом изменяется состав учащихся высшей школы — в нём всё более преобладающую роль начинают играть не школьники, а люди-практики, тесно связанные с многообразными сторонами производственной и общественной деятельности, люди взрослые, умудрённые жизненным опытом.

В-четвертых, качественно изменяются формы высшего образования, они становятся всё более гибкими и многообразными, всё теснее связываются с непосредственной практической жизнью народа; заводы, фабрики, больницы и т. п. стихийно берут на себя значительную часть функций по организации высшего образования.

В-пятых, коренным образом изменяется связь высшей школы со средней; с одной стороны, средняя школа перестаёт быть исключительным поставщиком контингента учащихся для высшей школы, с другой стороны — в развитии самой средней школы всё более проявляется тенденция превращения её в высшую школу низшего типа, с пониженным объёмом знаний, отсутствием широкой научной работы учащихся и т. п.

Эти и другие мысли В.И. Вернадского впоследствии вошли в аргументацию его своеобразной концепции ноосферы, получившей множественную интерпретацию в литературе последних десятилетий.

Народный университет им. А.Л. Шанявского явился в своё время весьма значимым событием в России. Его открытие и становление пришлось на сложный и драматический период российской истории. Привлекает внимание мысль, высказанная автором книги, что опыт Университета пытались возродить в период социалистического строительства, перестройки в недавнем прошлом, но они не имели той продуктивной силы, которая сложилась в Народном университете за достаточно короткое время (с. 106). Ситуация с университетом сложилась уникальная. Здесь соединились

⁴ Вернадский В.И. Письма о высшем образовании // Вестник воспитания. 1913. № 5. С. 14.

⁵ Там же. С. 7–9, 10–12.

различные силы и линии: чаяния реформ в высшем образовании, меценатская поддержка этих реформ (не только Шанявскими, но и рядом других видных меценатов), беспрецедентное трёхлетнее прохождение документов в государственных инстанциях, формирование в самом университете нового типа профессуры, стремящейся к образовательным и научным инновациям, появление нового типа студенчества, пришедшего в университет именно за знаниями, и катастрофа в Московском университете с уходом лучшей его профессуры в ответ на реакционные акции министра народного просвещения Л.А. Кассо. Поэтому реставрировать опыт Университета им. Шанявского не реально, но анализировать этот опыт надо, и замечательная книга Р.А. Фандо не отменяет такой анализ, а, напротив, способствует ему.

* * *

Одна из последних акций Правления Московского городского народного университета имени А.Л. Шанявского — обращение 27 апреля 1920 г. во Всероссийский Центральный исполнительный комитет Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов с просьбой о помощи вдове Альфонса Леоновича Шанявского Лидии Алексеевне Шанявской, которая в результате флуктуаций революции и гражданской войны оказалась вместе со своим бывшим секретарём Э.Р. Лауперт в совершенно безвыходном положении и крайней нищете в глухом Чернигове без надежды выбраться из него. Эта женщина, самозабвенный единомышленник и соратник А.Л. Шанявского, всегда была как бы в тени, но в критический период, когда затянувшаяся на три года бюрократия с утверждением документов об открытии университета поставила под угрозу реализацию самой идеи университета, добивалась аудиенций у министра народного просвещения и даже самого П. Столыпина, чтобы спасти положение. Она приняла активное участие в строительстве зданий университета в Миусах. Сама она, наследница большого состояния, не смела прикасаться к нему, считая, что всё оно принадлежит университету, жила более чем скромно, и вот дошла до последней черты. Правление университета ходатайствовало о назначении ей пайка и возможности её переезда в Москву.

Это ходатайство было удовлетворено, назначен паёк, Лидия Алексеевна переехала в Москву и скоро скончалась. Похоронили её в могиле мужа в Алексеевском монастыре. Кладбище, как и сам монастырь, впоследствии были уничтожены⁶.

A.L. Shanyavsky's University: a Variety of Educational Practices and Stimulation of the Development of Science

V.I. ONOPRIENKO

Institute of research of scientific and technical potential and history of science of NAS of Ukraine named after G. M. Dobrov, Kiev, Ukraine; valonopr@gmail.com

⁶ Сотникова Ирина. Традиция благотворительности на ниве просвещения // Истина и жизнь. 2006. № 6. URL: <http://www.istina.religare.ru/article292.html>.

The author commends the book by Roman Fando, noting excellent design and illustrations, the use of many statistical and sociological materials, and very informative appendixes. Using a new documentary basis, the author provides a non-trivial analysis of non-state higher education in Russia, the emergence of the first public and private educational institutions, the notorious “women’s issue” in domestic higher education, the factor of philanthropy in the development of Russia’s intellectual potential. The reviewer briefly recounts the main points of the book and intersperses them with other well-known materials. He concludes that in the light of the current problems of the development of science and education in Russia, it is not realistic to restore the experience of Shanyavsky’s University, but it is necessary to analyze that experience, and this remarkable book by R.A. Fando contributes greatly to such analysis.

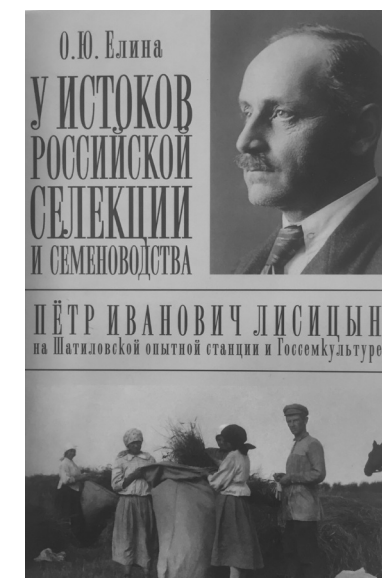
DOI: 10.24411/2076–8176–2018–11982

Петр Иванович Лисицын и развитие сельскохозяйственной науки в России

К.О.РОССИЯНОВ

Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН, Москва, Россия; rossiianov@yandex.ru

Представляя на суд читателя новую книгу⁷ — биографию выдающегося российского селекционера, организатора сельскохозяйственной науки Петра Ивановича Лисицына (1877–1948), О.Ю. Елина признается, что подход её к жизнеописанию Лисицына — апологетический. Подобный подход традиционен, по мнению автора, для отечественной истории науки, испытавшей влияние русской классической литературы. Влияние, как может предположить читатель, заключается в личном отношении к герою, несклонности к объективно-внешнему, бесстрастному описанию. Возможно, однако, «апологетичность» автора обусловлена также и сознанием сделанного Лисицыным — его достижениями в выведении новых сортов культурных растений, вкладом в организацию отечественной сельскохозяйственной науки, в создание селекции как новой

⁷ Елина О.Ю. У истоков российской селекции и семеноводства. Петр Иванович Лисицын на Шатиловской опытной станции и Госсемкультуре. М.: Наука, 2016. 360 с.